

ЭТНОЛОГИЯ

СТАТУС И ПРЕСТИЖ В КУЛЬТУРЕ АБОРИГЕНОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ (на примере изделий с форменными пуговицами)¹

Л.Н. Хаховская

Освещено заимствование от контактного сообщества и освоение в культуре аборигенов Северо-Востока России (чукчей, коряков и эвенов) статусных предметов из металла — форменных медных пуговиц. Эти изделия в исходной (российской) культуре и обществе обозначали отличительное и высокое социальное положение, так как располагались на мундирах военнослужащих и гражданских чиновников. Металлические иноэтнические атрибуты военной и гражданской власти, в том числе мундирные пуговицы, являлись привлекательными для аборигенов в первую очередь именно в качестве знаков престижа. Проникая в аборигенную культуру, они чаще всего становились достоянием культовой практики. Вместе с тем такие вещи «перешагивали» область сакрального и в повседневной жизни играли роль украшений, не утрачивая при этом свойства подчеркивать социальный престиж владельцев.

Чукчи, коряки, эвены, Северо-Восток, металл, форменные пуговицы, престиж, сакральность, статусность, шаманские практики, украшения.

Введение

Среди артефактов, характеризующих вещественную культуру аборигенов Северо-Востока России, имеется большое количество неутилитарных изделий из металла: различного рода подвески, накладки, нашивки. Иногда в этой роли выступают форменные (мундирные) металлические пуговицы, обычно медные, на ножке, гладкие или с рельефным рисунком, цельные или составные. Представленность этой категории металла в регионе невысока, встречаются они довольно редко², возможно, именно поэтому вещи с пуговицами не привлекали внимание исследователей. Историография данного вопроса представлена двумя группами исследований: во-первых, это обобщающие работы, в которых дается характеристика украшений, в том числе расположенных на предметах одежды [Прыткова, 1961, 1976; Ключева, Михайлова, 1988; Федорова, 1988; Ермолова, 2005; Михайлова, 2005; Павлинская, 2005]; во-вторых, исследования, в которых рассматривается культура коренных жителей Северо-Востока и отдельные ее элементы [Богораз, 1991; Бурыкин, 1993; Горбачева, 2004; и др.]. Однако специальных работ, в которых бы рассматривались такие предметы, нет, в этнографической литературе встречаются лишь отдельные, крайне скудные сведения.

Тем более ценной представляется информация по этой теме, полученная посредством полевой работы³, изучения музейных экспонатов⁴, извлеченная из архивных источников. Такие данные интересны тем, что на их основе можно проследить, как «живет» заимствованный элемент в аборигенной культуре, как меняются его функции, социальная значимость, семантическая соотношенность. Круг этносов, о культуре которых пойдет речь, включает северо-восточных палеоазиатов (чукчей и коряков) и эвенов Охотского побережья и континентальных районов Колымы. Это дает возможность показать особенности трансформаций в зависимости

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период».

² Следует отметить, что в аборигенной культуре существовал такой канал «ухода из жизни» престижных вещей, в том числе вещей с пуговицами, как погребальный обряд: покойного хоронили в его лучшей одежде. Северо-восточные палеоазиаты (чукчи и коряки), кроме того, часто «отпускали в тундру» шаманские и ритуальные предметы после смерти их владельцев.

³ Полевые исследования проводились автором в Северо-Эвенском районе Магаданской области (сентябрь 2010 г., август 2011 г.; ноябрь 2012 г.).

⁴ Экспонаты этнографических коллекций Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ); Северо-Эвенского (СЭРКМ) и Сеймчанского районных краеведческих музеев (СРКМ) Магаданской области; также привлечены материалы Тигильского районного краеведческого музея Камчатского края.

от аутентичных традиций и межэтнических контактов, а также выявить этнокультурные различия и проблематизировать их природу.

Например, факты нашивания пуговиц на шаманскую одежду чукчей и эвенов неизвестны, а у коряков это встречается часто. С чем связана эта этническая избирательность — имеют место историографические лакуны или причиной являются исторически сложившиеся обстоятельства, — сказать пока затруднительно. Возможно, коряки в какой-то период оказались в эпицентре обменных операций с участием металлических пуговиц — у них, помимо российских изделий, отмечены пуговицы азиатского производства, а также самая древняя на данный момент в регионе пуговица, найденная в жилище, относимом к древнекорякской культуре [Орехов, 2005, с. 49]. Поэтому пуговицы могли «задержаться» в корякской культуре, отложившись в форме накладок на шаманскую одежду.

Целью данной работы является очерчивание круга предметов, «оснащенных» пуговичным металлом, классификация и характеристика этих предметов в таком аспекте их функционирования в аборигенной культуре, как статусность и престижность. Раскрытие данных культурных модусов актуально и правомерно — медные пуговицы являлись привлекательными для аборигенов в первую очередь именно в качестве знаков престижа, так как они представляли собой иноэтнические атрибуты военной и гражданской власти. Проникая в аборигенную культуру, они чаще всего становились достоянием культовой практики [Бауло, 2004, 2007], что демонстрирует облачение корякского шамана, ритуальные головные уборы коряков и чукчей, а также ритуальные связки эвенов. Дальнейшая «разработка» этих вещей в рамках собственных культурных традиций аборигенов вела к обретению инновационного звучания — пуговицы «меняли» гендерную принадлежность, становились украшениями, но не утрачивали при этом свойства подчеркивать социальный престиж владельцев.

Хронологические рамки рассматриваемого феномена можно обозначить как вторая половина XVIII в. (время активного формирования аборигенной элиты) — вторая половина XX в. (время бытования в «живой» культуре предметов, украшенных пуговицами).

Форменные пуговицы как статусный металл

Статусность пуговичного металла среди коренных жителей Северо-Востока в первую очередь определялась межкультурными и межэтническими контактами. Медные блестящие пуговицы, гладкие или с рельефным рисунком, размещались на форменной одежде лиц, облеченных властью, представлявших элиту другой, «проникающей» культуры. В исходной, прежде всего российской, культуре и обществе они обозначали отличительное и высокое социальное положение военнослужащих и гражданских чиновников. По всей видимости, таков был непосредственный, лежащий на поверхности культурный импульс, который вызывал ответную реакцию в виде желания иметь эти предметы. Привлекательность такого пуговичного металла была настолько высока, что способы его приобретения иногда принимали курьезный характер. Секретарь экспедиции Биллингса — Сарычева Мартин Соур (Зауер) описал событие, произошедшее в 1791 г. в заливе Святого Лаврентия (Чукотка): *«7 [августа] я в форме сошел на берег, но оказанный прием не доставил мне особого удовольствия. Я прогуливался среди чукчей на некотором удалении от наших людей и палаток, когда один из туземцев вдруг стал срезать пуговицы с моего мундира. Я ткнул его кулаком в живот, и он упал, споткнувшись о лежащие позади него камни»* [Sauer, 1802, p. 251]. Судить о мотивах этого инцидента затруднительно, но, учитывая аналогичный случай, произошедший полтора века спустя (см. далее), можно предположить, что «туземец» действовал в интересах своей жены.

В свете заявленной темы важно, что медные пуговицы являлись теми культурными артефактами, которые зримо воплощали извне прививаемую аборигенному сообществу иерархичность и статусность. Как известно, царская администрация выстраивала взаимоотношения с коренными жителями через лиц, принадлежавших к местной элите, «лучшим людям», в терминах того времени. В том случае, если аборигенные сообщества не имели ярко выраженной социальной иерархии, элитная прослойка специально создавалась из людей, выделявшихся среди сородичей в имущественном или ином отношении [Зуев, 2010, с. 395]. Русская власть серьезно относилась к внешнему оформлению властного статуса таких лиц: чтобы подчеркнуть новообретенное положение «князцов» и «старшин», им дарили оружие [Там же], а также грамоты и верхнюю одежду в виде камзолов, неотъемлемой частью которых были металлические, чаще всего медные пуговицы. Эти статусные вещи аборигенам жаловали и в других важных случаях помощи русской администрации; коренные жители их высоко ценили и передавали по наследству.

Так, Г. Кеннан описывает встретившегося ему во время путешествия по северу Камчатки в 1860-х гг. оленного коряка Ханальпучиника, который специально принарядился для визита к путешественникам: *«Его одежда состояла из красного платья, с голубыми отворотами и медными пуговицами, с длинными золотыми снурками, висящими на груди. <...> Он был подпоясан изорванным ремнем из тюленьей кожи, на котором висела великолепная шпага с серебряным эфесом в резных ножнах»* [1896, с. 173]. Выяснилось, что *«платье и шпага пожалованы были отцу настоящего владельца их в царствование Александра I русским губернатором Камчатки в награду за помощь, оказанную этим коряком русским во время голода. От отца ее наследовал сын»* [Там же, с. 175].

Представление о высоком статусе наградной одежды, атрибутами которой часто являлись красная ткань и медные пуговицы, сформировалось среди целого ряда северных народов. Согласно воспоминаниям, В.Г. Богораз в 1920-х гг. специально хлопотал о выделении студентам, отправлявшимся в экспедиции на Север, лакейских камзолов из дворцовых запасов, с помощью которых они могли бы расположить к себе местное население [Гаген-Торн, 1971, с. 140].

Как видим, в данном регистре престижности аборигенная культура воспринимала заимствования так, что их символика и практика использования копировала культуру-донора, т.е. обозначала высокое социальное положение владельцев-мужчин, занимавших верхние позиции в структуре власти. Но эти заимствованные образцы не оставались неизменными: аборигенные сообщества, воспринимая иноэтничные влияния, трансформировали их согласно своему этнокультурному облику. Северо-восточные палеоазиаты (чукчи и коряки) по прямому назначению форменные пуговицы не использовали, т.е. на верхнюю плечевую одежду не нашивали. Глухая конструкция палеоазиатской одежды и не предоставляла такой возможности, в отличие от распашной одежды эвенов. На бортах эвенских кафтанов встречаются укрепленные в ряд пуговицы, которые являются украшением. Очевидно, что одежда эвенов оказалась восприимчивой к этому новшеству именно вследствие своего распашного кроя, поскольку давала возможность подражать мундирам официальных лиц и тем камзолом, которые как атрибуты власти царская администрация дарила представителям аборигенной верхушки.

Таким образом, на плечевую одежду чукчей и коряков пуговицы не нашивали, и это обстоятельство, полагаю, способствовало их «уходу» в сферу сакральной и бытовой отличительности и переносу на другие материальные носители. Эвенская культура, напротив, сохранила изоморфную исходной топографию расположения пуговиц, возможно, именно поэтому они не встречаются на какой-либо другой ритуальной одежде. Другое дело, что социальная значимость эвенских кафтанов, украшенных медными пуговицами, не осталась неизменной, и эту их трансформацию мы рассмотрим далее.

Пуговицы в ритуальной сфере

Всея полнотой информации по ритуальному использованию форменных пуговиц коренными жителями Крайнего Северо-Востока мы не обладаем, достоверно известно лишь то, что их нашивали на шаманскую одежду (головные уборы, пояса, крепили в виде подвесок к кухлянкам); ритуальные головные уборы; а также использовали в качестве прикладов к амулетным комплексам.

Форменные пуговицы имеются на двух шаманских шапках, каждая из которых входила в состав шаманского костюма (см. № 1–4 в табл.). На шапках они располагаются в передней (рис. 1) или задней части (рис. 2, Б, см. также [Хаховская, 2012, рис. на обложке]), отдельно или на одной низке с бусинами.

Судя по расположению и остаткам крепления на второй описываемой шапке, на ней имелась и другая пуговица, парная к наличной. На передней же части изделия, по нашему мнению, находились и металлические пуговицы, одни из которых вследствие утрат заменили пластмассовыми, а от других остались нити крепежа (рис. 2, А, Б). Полагаем, что эти пуговицы семантически «замещают» естественные отверстия от глаз, носа и ушей на шкуре головы животного (из которой прежде шили такие шапки) и, таким образом, позиционируются как органы зрения, обоняния и слуха, чтобы животное могло учуять злых духов [Хаховская, 2012, с. 124]. Размещение «органов» и на задней стороне шапки символизирует защиту с «тыла»⁵.

⁵ Развитие этой тенденции в виде умножения «органов», полагаем, имеет целью обеспечить защиту со всех сторон.

Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России...

Сведения о предметах с форменными пуговицами (или их заместителями)

№ п/п	Наименование	Материал, размер, техника изготовления	Количество и описание пуговиц	Владелец, место фиксации	Комплектность	Место и время изготовления (бытования)
1	Шапка шаманская корякская	30х17 см. Кожа, мех, бисер, бусы, металл, с/ж нить. Шитье, вышивание бисером, окрашивание. Ручная работа	1 с рельефом двуглавого орла; литье, медный сплав, \varnothing 2,3 см	Корячка Валентина Миллевна Коялхут, 1940 г.р., с. Верхний Парень	Входили в шаманский костюм ее мужа, коряка Петра Вачавнаут	Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.; предположительно вторая половина XX в.
2	Кухлянка шаманская корякская с поясом из 4 фрагментов	Кухлянка 102х130 см; пояс 1) 62х2,2; 2) 542х,2; 3) 7,5х2,2; 4) 10х2,2. Мех, кожа, бисер, бусы, металл, пластмасса, с/ж нить. Шитье, вышивание бисером, окрашивание. Ручная работа	1) 2 с рельефом двуглавого орла; литье, белый металл, \varnothing 2,1 см. 2) 1 с рельефом двуглавого орла; литье, белый металл, \varnothing 2,1 см; 2 гладкие; литье, белый металл, \varnothing 2,3 см.			
3	Шапка шаманская корякская	Диаметр 17 см, высота 10 см. Кожа, камус, мех, металл, ткань, пластмасса, бусы, бисер, с/ж нить. Шитье. Ручная работа	1 с рельефом двуглавого орла; литье, медный сплав, \varnothing 2,3 см	Коряк Сергей Танинович Кававтагин, 1935 г.р., с. Верхний Парень	Входили в шаманский костюм его родственников	
4	Пояс шаманский корякский из 2 фрагментов	1) 37,5х3 см; 2) 15,5х3 см. Кожа, металл, пластмасса, бусы, с/ж нить. Шитье. Ручная работа	1) 6 с рельефом двуглавого орла; 5 гладких, все \varnothing 2,3 см; 3 с рельефом серпа и молота, \varnothing 1,4-1,8 см; все — литье, медный сплав. 2) 1 с рельефом серпа и молота, \varnothing 1,4 см			
5	Пояс шаманский корякский	111х4,7 см. Кожа, ткань, пластмасса, бисер, бусы, с/ж нить. Шитье, вышивание бисером. Ручная работа	24 пластмассовые, \varnothing 1,0–2,4 см	Коряк Василий Иванович Толповал, 1966 г.р., оленеводческая бригада, Северо-Эвенский р-н	Входил в шаманский костюм его родственников (+ шапка, связки амулетов)	Северо-Эвенский р-н Магаданской обл.; предположительно вторая половина XX в.
6	Кухлянка шаманская корякская	95х107 см. Мех, кожа, бисер, бусы, металл. Шитье, вышивание бисером, окрашивание. Ручная работа.	1 с рельефом якоря, литье, медный сплав, \varnothing 1,8 см	Корячка Светлана Анатольевна Инылив, 1963 г.р., с. Верхний Парень	Входила в шаманский костюм коряка Константина Инылива (+ шапка)	
7	Кафтан эвенский. Фонд СРКМ. Инв. № НВ-5	53х55 см. Мех, ткань, кожа, металл, пластмасса, с/ж нить. Шитье, ручная работа	2 круглых жетона, \varnothing 1,7 см, утилизированы с ожерелья; 7 пластмассовых пуговиц, плоские, с 4 отверстиями, \varnothing 1,3–1,8 см	Не установлен	Являлся детской одеждой	Среднеканский район Магаданской обл. Время бытования не установлено
8	Кафтан эвенский <i>ирканни</i> . Фонд МОКМ, инв. № КП-713	92х77 см. Ровдуга, ткань, мех, бисер, металл, с/ж нить. Шитье, вышивание бисером. Ручная работа	1 с рельефом двуглавого орла, литье, медный сплав, \varnothing 2,0 см	Не установлен	Являлся весенней женской одеждой	Куплен в Эликчане (Среднеканский р-н) в январе 1934 г.

Рис. 1. Шапка корякская шаманская. Вид спереди. Владелица В.М. Коялхут. Фото Л.Н. Хаховской, 19.08.2011, с. Верхний Парень.

Рис. 2. Шапка шаманская корякская (А — вид спереди; Б — вид сзади). Владелец С.Т. Кававтагин. Фото Л. Н. Хаховской, 23.08.2011, с. Верхний Парень.

В Тигильском районном краеведческом музее хранится экспонат (КП-98) сакрального предназначения, атрибутированный двояко: как «головной убор женский праздничный» и как «шаманская шапочка с бляхами». Спереди на шапочке нашиты четыре металлические форменные пуговицы, «сзади висит оберег из белого и черного бисера в виде человечка». Этот головной убор, по информации музея, надевали «по праздникам, когда исполняли корякские танцы» [Тигильский районный краеведческий музей, 2012]. С высокой степенью вероятности можно предположить, что это деталь шаманской одежды, которую со временем могли использовать как праздничную.

В культуре северо-восточных палеоазиатов представлена и внешаманская обрядность, достоянием которой стали пуговицы: их вместе с бусинами и бисерными розеткамишивали в качестве дополнительных органов (глаз или ушей) на головные уборы с целью отпугнуть вредоносные существа. Это головные повязки чукчей *чеутьгэче* [Вдовин, 1977, с. 143, 144] и очень интересный экспонат Тигильского музея — плечевая накидка *игич`ин* из волчьего меха, с нагрудником и капюшоном (КП-407). Согласно атрибуции, ее надевали «на ритуалах и празднованиях коряков (встреча оленей, олени гонки и т.п.)» [Тигильский районный краеведческий музей, 2012]. На капюшоне расположены две круглые розетки, на которых бисер нашит концентрическими окружностями, а в центре розеток пришиты «металлические пуговицы царской России» [Там же]. Музей трактует розетки как «уши волка».

Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России...

Далее, пуговицы нашиты на шаманских поясах. Кухлянка из шаманского костюма (табл.; № 2) имеет пришитой четырехсоставной пояс. Гарнитура пояса, наряду с круглыми плоскими медными бляхами (\varnothing 1,7–3,3 см); тремя бисерными розетками (\varnothing 5,4 см) (одна из них, средняя, с пластмассовой пуговицей (\varnothing 2,6 см) в центре) и мелкими пластмассовыми пуговицами (\varnothing 1,0 см), содержит форменные пуговицы, гладкие и с рельефом (рис. 3).

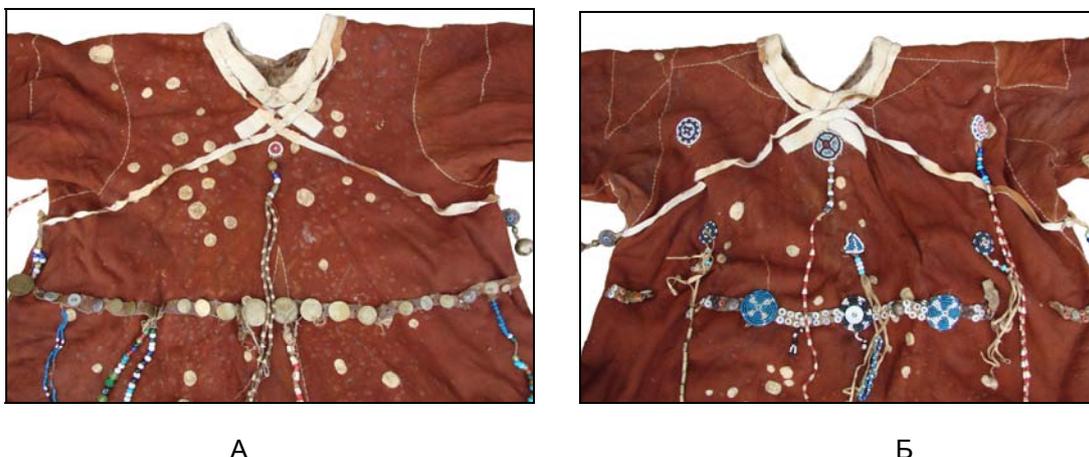

Рис. 3. Кухлянка корякская шаманская (А — вид спереди; Б — вид сзади). Владелица В.М. Коялхут. Фото Л.Н. Хаховской, 19.08.2011, с. Верхний Парень.

Как мы полагаем, пластмассовая гарнитура замещает недостающие металлические пуговицы. Основанием для предположения служит расположение нашивок другого шаманского пояса (табл., № 4), который представлен отдельно от кухлянки, в виде двух фрагментов (по всей видимости, переднего и одного из боковых): на этом поясе все пуговицы переднего фрагмента форменные [Хаховская, 2012, рис. на обложке]. Стоит также упомянуть, что на очень интересном корякском шаманском поясе с антропоморфной розеткой (табл., № 5) имеются нашитые в ряд пуговицы из пластмассы [Хаховская, 2013, с. 131, рис. 1] — вполне вероятно, что их использовали из-за отсутствия пуговичного металла.

Сошлемся также на «пояс корякский для камлания» (КП-155), в виде узкой кожаной полоски, на которую, в числе других деталей, нашиты три круглые бисерные розетки, «в центре розеток металлические пуговицы с изображением человека, по краям иероглифы» [Тигильский районный краеведческий музей, 2012]. Морфология и топография нашивок такие же, как у описанного выше пояса (см. рис. 3 Б), что говорит в пользу шаманской принадлежности тигильского экспоната.

К шаманским предметам мы сочли возможным отнести и старинный пояс, отмеченный очевидцами у оленных коряков севера Камчатки: «Летим на вертолете в одну из бригад Хаилинского оленеводческого совхоза. <...> Особенно колоритно выглядел Федя. <...> ...самая интересная деталь его наряда — пояс. Он весь украшен медными бляшками. Когда я внимательно пригляделся, бляшки эти оказались старинными медными пуговицами. — Это бабушкин, — не без гордости сказал Федя» [Кузнецов]. Такая атрибуция заслуживает внимания по той причине, что коряки, в отличие от других народов [Ермолова, 2005], нашивали пуговицы лишь на шаманские пояса, их бытовые пояса не украшались, а погребальные содержали бисерную, нитяную или волосяную вышивку [Там же; Горбачева, 2004, с. 77, 88].

Помимо поясов и головных уборов, пуговица обнаружена на спинной подвеске шаманской кухлянки (табл., № 6) (рис. 4). Подвеска состоит из трех бусинных низок, к концам которых прикреплен «круглый металл» — две монеты советского времени и форменная пуговица с рельефом (рис. 5).

У эвенов Северо-Эвенского района Магаданской области, находившихся в тесных и длительных контактах с коряками, А.А. Бурыкин зафиксировал такой вид ритуальных предметов, как своеобразный переносной жертвенный комплекс — амулеты, соединенные в связку. Пред-

меты из связки, а среди них были и пуговицы⁶, являлись приношениями для исполнения задуманных желаний. Автор считает этот комплекс в определенной степени аналогом ритуальных связок *тайныквыт* [Бурыкин, 1993, с. 59]. При этом пуговицы в качестве прикладов к чукотско-корякским связкам *тайныквыт*, насколько нам известно, не отмечены, поэтому надо думать, что так поступали только эвены, но не без влияния внешних культурных импульсов.

На рассмотренном материале видно, что наиболее выразительным способом ритуального использования форменных пуговиц является «оснащение» шаманской одежды. Достигнутый на сегодня уровень знаний даже позволяет говорить, что медные (а порой и пластмассовые) пуговицы маркировали статус корякского шамана, так как являлись одной из ярких черт, отличавших эту одежду от бытовой.

Можно вести речь о семантически обусловленной предметной заместительности этих накладных элементов: бисер и бусы замещают кожу и мех (а также мелкие деревянные амулеты [Богораз, 1991, с. 190]), металлические пуговицы — бисер и бусы, пластмассовые пуговицы — металлические⁷. Мундирные пуговицы благодаря своим свойствам (небольшой размер, круглая форма, выпуклая поверхность, блеск) и общей сакральной ценности металла подходили на роль заместителя бусин и бисерных розеток на «глазастых» и «ушастых» головных уборах, а часто и сочетались с ними, что хорошо отражают нашивки «волчьей накидки».

Рис. 4. Кухлянка корякская шаманская. Вид сзади. Владелица С.А. Инылив. Фото Л.Н. Хаховской, 22.09.2010, п. Эвенск.

Представляется уместным предположить, что достигнутые путем замещений новационные «глазастые» («ушастые») элементы головных уборов и далее подвергались сакральной и художественно-эстетической разработке в рамках аутентичной культуры. По крайней мере, они удваивались (дублировались), что видно на шаманской шапочке, оснащенной комплектом пуговиц спереди и сзади; а также умножались более или менее упорядоченным образом, что в пределе вело к раппортизации и появлению устойчивых культурных форм. Тенденции к этому, по нашему мнению, видны на корякских шаманских поясах. Кроме того, умножение само по себе открывало простор для размещения этих накладок на «протяженных» материальных носителях, таких как головная повязка и, по аналогии с ней, пояс [Хаховская, 2012, с. 123–126]. Высказанные соображения не исключают наличия иной, неутилитарной подоплеку использования пуговиц в качестве принадлежностей шаманского пояса, например копирования с готовых предметов. Наша цель заключалась в том, чтобы показать, что элементы новаторства присущи культу-

⁶ Форменные красноармейские пуговицы 1940–1950-х гг., металлические, на ножке (сообщение А.А. Бурыкина от 12.01.2015).

⁷ Эта цепочка замещений нагляднее всего представлена на шаманском поясе, нашитом на кухлянку (рис. 5).

Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России...

ре не только вследствие внешних влияний, но и «изнутри», в силу творческого подхода людей к освоению заимствований. Таким образом, пуговицы благодаря особым ментальным коннотациям и практическим действиям, свойственным в данном случае носителям коряжской культуры, приобрели роль сакральных, прежде всего шаманских, атрибутов.

Рис. 5. Фрагмент подвески с форменной пуговицей. Фото И.Е. Воробья, 12.09.2014, п. Эвенск.

Отметим также, что металлические пуговицы становятся достоянием не только мужчин, как это было при первоначальной «встрече культур». Внутриэтническая трансформация функций и представлений, связанных с пуговицами, приводит к нарушению гендерной замкнутости, ведь шаманами могли быть и женщины, которые владели соответствующими атрибутами, о чем свидетельствует «бабушкин пояс». Обладателями ритуальных головных повязок были все члены общества, включая детей, а жертвенные комплексы эвенов собирали исключительно женщины. Гендерное «переключение» еще более выпукло прослеживается в таком аспекте использования пуговиц, как украшение внешности с помощью «модных» вещей.

Пуговицы как «модный» атрибут

Известно, что металлические пуговицы пользовались устойчивым спросом коренного населения Северо-Востока России: ими торговали⁸, их использовали исследователи в качестве предмета обмена на коллекционные экспонаты или услуги. Выявленные данные говорят о том, что наиболее активными «потребителями» пуговиц для эстетических целей являлись женщины.

В дневнике участницы Дезуповской экспедиции Д.Л. Бродской-Иохельсон содержатся записи (сделаны в октябре 1900 г. в коряжском селении Каменское), свидетельствующие о востребованности среди корячек металлических изделий, в том числе пуговиц: «...*Анна (жена Хагилхута) рассказывала сказки и за каждую сказку получила по 2 пуговицы. Только медные блестящие пуговицы им нравятся. Такие же кольца; простые грубые медные кольца они предпочитают больше, чем с красивыми камнями*» [АИВР, д. 128, л. 91]. И далее: «*Анна шьет мою кофточку и рассказывает сказку, длинную, за которую, по ее требованию, получит 3 пуговицы с якорями. Она получила за маску (позволила снять с себя гипсовую маску. — Л. Х.) цепочку для часов и будет носить на голове, большие серьги, кольца и рада, как ребенок*» [Там же, л. 94 об., 95]. Здесь, как видим, пуговицы перечисляются в ряду других металлических украшений, и, с точки зрения наблюдателей, и сами были таковыми.

Пуговицы с рельефным рисунком («с якорями») для коряжских женщин были подарком гораздо более желанным, чем для мужчин; хотя и те и другие на металл выменивали самые сокровенные вещи (запись от 5 ноября 1900 г., селение Каменское): «*Когда Ига <...> увидел*

⁸ В архивных источниках читаем: «*Косыгин (купец. — Л. Х.) продавал здесь бусы, пуговицы. За большую бусу получал выпоротка, то же и за пуговицы*» [АИВР, д. 129, л. 5].

браслет, он уже не захотел с ним расстаться, за браслет да за серьги он отдал старый отцовский бубен, который грех отдавать, как сказала его сестра Пакха; но браслет, а также то, что бубен будет там, где живет сам царь, взяли верх и Вл[адимир] Ил[ьич] (Иохельсон. — Л. Х.) получил бубен. Когда Аюнгаут это увидела, то за пуговицы отдала свой бубен» [АИВР, д. 129, л. 3 об.].

Н.Н. Беретти в середине 1920-х гг. наблюдал среди коряков и чукчей следующее: «Все женщины делают прическу, состоящую из прямого пробора посредине головы и двух кос, на концах которых вплетены бусы. На затылке между косами, как бы для скрепления их между собой, надеваются ленты или кусок ровдуги, разукрашенные бисером, бусами или блестящими пуговицами» [1929, с. 32]. Такая прическа корякских женщин зафиксирована на фотографии В.К. Арсеньева, сделанной в 1915 г. в Гижигинском уезде [На грани..., 2006, с. 148].

С.В. Обручев пишет о своей экспедиции по Чукотке в 1934 г.: «Увидав у меня коробку с нитками и иголками, Эйчин (чуканка.— Л. Х.) тотчас стала в ней копаться и отобрала себе, что ей понравилось — несколько иголок и две блестящие металлические пуговицы. Иголки попали в кожаный рабочий женский мешок... а пуговицы были тотчас вдеты с двух сторон в косы» [1975, с. 263]. Несколькоими годами спустя партийный руководитель сообщает о вещах, остро необходимых амгуэмским чукчам, которых еще не коснулась коллективизация: «Приводим даже такой пример. В 1946 году, находясь в глубинной тундре Чукотского района, пришлось нам лично встретиться с таким фактом, когда женщина умоляла одного члена нашей бригады отрезать пуговицы от военной гимнастерки, предлагая по одному оленю за пуговицу, которые ей понадобились как головное украшение» [ГАМО, л. 22].

О соперничестве женщин за обладание накосником с пуговицами читаем в полевом дневнике этнографа В.Г. Кузнецовой, жившей среди амгуэмских чукчей (запись от 25 июня 1951 г.): «Вчера Тымнэкалечайвын принес 4 пуговицы, пришитые к кожаной тесьме — кытталтын-пог, одеваемые женщинами на голову, в косу. Отдал их Раглине. Сегодня Томгына... пришла к нам и спросила об этих пуговицах. Я сказала, что пуговицы здесь, что мальчик нашел их между ярангами, на улице. <...> С неохотой Раглина достала пуговицы из торбаза, обутого на ноги. А когда вернулась Ринтына, Раглина пожаловалась ей на меня. «Варвара рассказала, и кто ее просил сообщать, что пуговицы у нас. Пуговицы могли бы и у нас остаться, они не лишние», сказала девочка Раглина» [АМАЭ, л. 26 об., 27].

Согласно нашим данным, накосники *аттанмквен* с форменными пуговицами были престижным украшением корячек вплоть до недавнего времени⁹. На одном из таких накосников имеются 3 пары мундирных пуговиц, из них две гладкие, две с рельефным якорем, две с гербом Российской империи; к накоснику также прикреплены две низки крупных бусин¹⁰ (рис. 6). Еще один корякский накосник парный, состоит из двух одинаковых частей, каждая из них содержит по одной форменной пуговице с рельефом (изображены соответственно серп и молот; якорь), укрепленных на верхних концах бусинных низок¹¹ (рис. 7). По-видимому, накосниками являлись и корякские украшения с медными пуговицами, атрибутированные как «серьги женские, защищающие от нападения злых духов»¹² [Горбачева, 2004, цв. вклейка]. Вместе с тем следует обратить внимание на семантическую связь пуговиц этого экспоната с головными повязками-оберегами: она наводит на мысль, что элементы, входящие в состав последних, физически могли быть перемещены на украшения-накосники с сохранением хотя бы на некоторое время присущих им сакральных коннотаций.

Таким образом, пуговицы, несомненно, представляли ценность в глазах женской части чукотского и корякского общества, т.е. женщины стремились выделиться при помощи украшений с форменными пуговицами. Можно предположить, что этот гендерный «поворот» связан с тем, что традиционное разделение труда отдает в руки женщин «кройку и шитье» и соответственно материал для выполнения этих работ. Гендерное распределение технологий в традиционном

⁹ Полевые материалы автора, интервью с коряками Мулиной Любовью Александровной, 1962 г.р., Айвалан Викторией Ивановной, 1960 г.р., и ее мужем Явьёком Яковом Андреевичем, 1955 г.р. (п. Эвенск, 20.11.2012).

¹⁰ Изготовила корячка Детан во время работы в оленеводческой бригаде № 3 совхоза «Пареньский», выпасавшей оленей на правом берегу р. Тылхой. Владелица Айвалан Виктория Ивановна. В настоящее время передан в МОКМ, инв. № 34350.

¹¹ Получен нами от корячки Итек Ольги Константиновны, 1965 г.р., принадлежал ее матери, Чейвун Елене Яйлевне, 1931 г.р. Примерное время изготовления 1970-е гг. Хранится в фондах МОКМ, инв. № 33415/1, 2.

¹² Коллекция Российского этнографического музея, инв. № 8570-126/1, 2. Сборы середины XX в.

Статус и престиж в культуре аборигенов Северо-Востока России...

обществе приводит, на наш взгляд, к переключению регистра престижности и появлению такой его грани, которую в современной жизни мы бы назвали модой. Женщины, сконцентрировав в своих руках предметы, имевшие высокий общественный престиж, использовали их для демонстрации собственной внешней отличительности, что выразилось в их размещении на чисто женских украшениях — накосниках¹³.

Рис. 6. Накосник корякский. Владелица Айвалан В.И. Демонстрирует ношение накосника корячка Эквинина Лилия Петровна. Фото Л.Н. Хаховской, 20.11.12, п. Эвенск.

Рис. 7. Накосник корякский. Владелица Итек О.К. Фото Л. Н. Хаховской, 26.09.10, п. Эвенск.

Как сказано выше, у эвенков произошла трансформация социального значения кафтанов с медными пуговицами. Их первоначальная роль маркировать высокий общественный статус владельца (мужчины) угасает, поэтому пуговицы переходят на детскую и женскую одежду. Детский кафтан с медными пуговицами, принадлежавший рассохинским эвенкам, известен по фотографии, хранящейся в СРКМ¹⁴ (рис. 8). В этнографической коллекции этого же музея имеется детский кафтан (табл., № 7) с пластмассовыми пуговицами и медными жетонами, возможно

¹³ Имеется также сведение о чукотских женских ожерельях из бус, украшенных «медными или перламутровыми пуговицами» [Богораз, 1991, с. 189], но оно носит единичный характер.

¹⁴ Фонд Сеймчанского районного краеведческого музея, инв. № НВ-698/26.

заменяющими пуговичный металл. Женский ровдужный весенний орочевский¹⁵ кафтан «ир-канни» (табл., № 8) хранится в МОКМ, на нем сохранилась лишь одна форменная пуговица, но имеется еще 17 прорезей на обоих бортах, предназначенных для их крепления¹⁶.

Рис. 8. Рассохинские эвены. Надпись на обороте фото: «Болдухин Василий с мамой Верой Михайловной. Каньон. 1989». Автор не установлен.

Очевидно, что пуговицы на эвенских кафтанах заменили украшения, которые прежде размещались на бортах распашной одежды. Со времени интенсивных контактов с русскими борта и подол эвенской одежды украшали сплошным бисерным узором, тканью, а до этого, вероятно, кожно-меховой аппликацией, которая в виде нашивок «элэ» сохраняется на зимней одежде до настоящего времени.

Следует оговориться, что атрибутирование медных пуговиц на эвенских кафтанах как элементов украшения условно, поскольку мы не обладаем всей полнотой необходимой информации. На данном этапе более приемлемо классифицировать их как вещи, престижные в бытовом плане, нежели приписывать им ритуальное предназначение (например, детского оберега), но при получении дополнительных сведений эта позиция может быть пересмотрена. На другие элементы эвенского костюма (передник, капор, пояс), насколько нам известно, медные пуговицы не нашивали¹⁷.

Подводя итог, отметим, что стремление прекрасной половины аборигенного сообщества увеличить свою привлекательность с помощью престижного металла стимулировало новационные подвижки в облике материальной культуры.

Заключение

Таким образом, на примере форменных металлических пуговиц прослеживается внутриэтническая культурная «разработка» заимствованного артефакта неутилитарного назначения. Пуговицы, циркулируя в культуре коренных жителей Северо-Востока (чукчей, коряков, эвенов)

¹⁵ До конца 1950-х гг. эвенов Магаданской области в официальных документах и повседневной жизни именовали «орочами», «орочелами» (см. [Хаховская, 2009]).

¹⁶ Пуговицы на эвенских кафтанах, как и на корякских поясах, крепили следующим образом: ножки вставляли в узкие прорезы на коже и ткани, с изнаночной стороны сквозь ножки всех пуговиц протягивали тонкий кожаный ремешок, концы которого пришивали.

¹⁷ Эту информацию подтвердил знаток эвенской культуры, известный петербургский лингвист и этнограф А.А. Бурьякин (устное сообщение от 25.11.2014). Обнаружилась лишь одна косвенная связь — на фотографии женского передника (альбом культбригады, фонд Среднеканского музея, без инв. №) тех же рассохинских эвенов плоские пластмассовые пуговицы (без ножек, с 2 или 4 отверстиями) замещают недостающие медные бляшки.

как предметы престижные и статусные, «раздвигают» границы функционального применения, социальной значимости и семантических коннотаций. Поступив в распоряжение аборигенов как предмет, маркирующий высокий социальный статус, форменные пуговицы «отрываются» от своей непосредственной основы (причем это не только фигура речи, но и непосредственный жест, как можно убедиться из текста источников), и с ними начинают происходить культурные метаморфозы. Только на одежде эвенов пуговицы располагаются изоморфно заимствованному культурному образцу, но их первоначальная роль обозначать высокое положение владельца в социальной иерархии сходит на нет, пуговицы превращаются в элемент украшения и, возможно, оберег.

Еще более ярко внутрикультурная трансформация прослеживается в среде северо-восточных палеоазиатов: на кухлянки чукчей и коряков пуговицы даже в знак социального статуса не нашивались, им нашлось совершенно иное применение. При этом их изначальная отличительность как вещи престижной не исчезла, а перешла в другое измерение — сакральности и «модности». Семантическая заместительность приводит к размещению металлических пуговиц на шаманских и ритуальных головных уборах (повязках, капюшонах). Далее аутентичные транспонировки этих культурных образцов (дубликация, раппортизация) «передвигают» их на более протяженные материальные носители (шаманские пояса). Перемещательная динамика, возможно, обнаруживается и в бытовой сфере, и в этом ярко проявилась роль женской части аборигенного сообщества: пуговицы с головной повязки смещаются на наколики, а их ритуальное предназначение трансформируется в эстетическое. Женские предпочтения сформировали «моду» на наколики с медными пуговицами в культуре северо-восточных палеоазиатов, что прослеживается по различным источникам.

Итак, престижность форменных пуговиц прослеживается в следующих регистрах — от внешней извне статусности, т.е. маркера высокого социального положения владельца, к сакральности — использованию в качестве атрибутов шаманского и ритуального костюма, жертвенных прикладов и далее к эстетической престижности, которую можно обозначить как модность, или овещественная внешняя привлекательность. Происходит расширение социального и гендерного круга «пользователей» форменных пуговиц: первоначально это были только мужчины, занимавшие высокие посты в административной иерархии. Владельцы вещей с пуговицами ритуального значения — это уже не только мужчины (шаманами могли быть и женщины), но и все участвующие в ритуалах члены сообщества (мужчины, женщины и дети). А мода, как известно, берет свое начало от женщин. Автор полагает, что представленная картина может служить рабочей схемой, которая дает возможность высветить важные аспекты и пути культурных трансформаций в этнолокальных сообществах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные источники

- АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 394. Полевой дневник Варвары Григорьевны Кузнецовой.
АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Дд. 128, 129. Дневники Дины Лазаревны Бродской-Иохельсон.
ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 229. Документы Чукотского окружного комитета ВКП(б). Письма в ЦК ВКП(б). 10 июня — 20 декабря 1946 г.

Литература

- Бауло А.В. Атрибутика и миф: Металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 160 с.
Бауло А.В. «Мундир» остяцкого божества // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3. С. 119–124.
Беретти Н.Н. На Крайнем Северо-Восток // Зап. Владивостокского отдела Государственного Русского географического общества. Владивосток, 1929. С. 5–102.
Богораз В.Г. Материальная культура коряков. М.: Наука, 1991. 224 с.
Бурыкин А.А. Религиозные воззрения эвенов // Краевед. зап. Магадан: Кн. изд-во, 1993. Вып. 19. С. 50–72.
Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1977. С. 117–171.
Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. СПб.: Наука, 2004. 152 с.
Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы: (У истоков советской этнографии) // СЭ. 1971. № 2. С. 134–145.

Ермолова Н.В. Пояса у народов Северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 170–301.

Зуев А.С. Реорганизация властной иерархии у коряков во второй половине XVIII века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 393–396.

Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири. СПб., 1896. 384 с.

Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Накосные украшения у народов Сибири // Материальная и духовная культура народов Сибири // СМАЭ. 1988. Т. XLII. С. 105–128.

Кузнецов А.А. Дальние дороги. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://geography.su/books/item/f00/s00/z0000004/st022.shtml>.

Михайлова Е.А. Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–119.

На грани миров: Шаманизм народов Сибири: (Из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М.: Художник и книга, 2006. 296 с.

Павлинская Л.Р. Наборные пояса в культурах Сибири середины XIX — начала XX в. // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 302–341.

Обручев С.В. В неизведанные края. М.: Мысль, 1975. 366 с.

Орехов А.А. Древнекорякское поселение Светлая 2 на полуострове Старицкого // Вестн. СМУ. 2005. № 3. С. 47–51.

Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 227–328.

Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков, ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 5–88.

Тигильский районный краеведческий музей. 2012 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru /C9511>.

Федорова Е.Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири: (Ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // СМАЭ. 1988. Т. XLII. С. 86–104.

Хаховская Л.Н. Эвены Магаданской области: к проблеме этнонимии // ЭО. 2009. № 2. С. 68–75.

Хаховская Л.Н. Шалочка и пояс корякского шамана // Вестн. ДВО РАН. 2012. № 4. С. 119–127.

Хаховская Л.Н. Загадочный сюжет из этнографии коряков: (История одного микроисследования) // ЭО. 2013. № 6. С. 130–139.

Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia for ascertaining the degrees of latitude and longitude of the mouth of the river Kovima; of the whole coast of the Tshutski, to East Cape; and of the islands in the Eastern Ocean, stretching to the American coast. L.: A. Strahan, Printers Street; for T. Cadell, Jun and W. Davies, in the Strand, 1802. 332 p.

Магадан, СВКНИИ ДВО РАН
hahovskaya@mail.ru

The article describes a borrowing from a contacting community and assimilation of high-status metal articles — uniform copper buttons — in the culture of aborigines from the North-East of Russia (the Chukchi, Koryaks, and Evens). These articles in the initial (Russian) culture and society denoted a distinctive and high social position, since they were arranged on uniforms of military officials and civilians. Metal hetero-ethnic attributes of military power and civil government, including uniform buttons, were attractive for aborigines in the first place exactly as symbols of prestige. Penetrating into the aboriginal culture, those most often became the property of a cultic practice. At the same time, such things «overstepped» the domain of sacred things, playing a role of ornaments in everyday life, for all that not losing the property to emphasize a social prestige of their owners.

The Chukchi, the Koryaks, the Evens, North-East, metal, uniform buttons, prestige, sacrality, status, shaman practices, ornaments.